

ПОЗИЦИЯ В ИССЛЕДУЕМОМ СОЦИУМЕ

В СЕМЬЕ ТЫМНЭНЭНТЫНА

В.Г. Кузнецова откочевала со стойбищем Тымнэнэнтына от Ванкаремской ярмарки 7 сентября 1948 г. Не думаю, что Тымнэнэнтын был доволен тем, что ему навязали чужого русского человека. Но до самого конца сентября особых проблем с этим не было. В.Г. Кузнецова была гостьей Тымнэнэнтына. Она активно подключалась к домашним делам, предлагала помощь в шитье покрыва яранги, разжигала очаг, помогала ставить ярангу, самостоятельно отправлялась за водой. Получалось все это, конечно, не слишком ловко и расторопно. Ничего удивительного и раздражающего в этом не было. Ценна была не реальная помощь, а стремление и готовность быть полезным членом коллектива. Незнакомая и странная женщина вызывала любопытство, вероятно, она была смешной в глазах чукчей, но к гостье относились вполне доброжелательно.

11 сентября 1948. Возвращение с Ванкаремской ярмарки со стойбищем Тымнэнэнтына. Стояли на месте. Вечером было весело, смеялись. Вутгэвыт <...> сделала мяч из лоскутка тряпки, перекидывали женщины женщинам, мужчины отнимали, потом мяч перешел к детям и они стали играть. Я сидела на санях с Вутгэвыт, подошли чукчи чел[овек] б, обступили вокруг, чтобы увидеть их всех мне пришлось поворачивать голову то вправо, то влево. Вутгэвыт живо заметила эти движения и комично скопировала, вызвав общий смех. Она же комически проделывала дневную сцену заучивания названий спинных сухожилий оленя (мерно раскачивалась из стороны в сторону, беспрестанно повторяла названия, склоняла голову, закрыв глаза, как бы засыпая с сухожилиями в руках). Чукчи смешливы, любят посмеяться, особенно в стойбище Тымнэнэнтына [Кузнецова 1948–1951: 334].

Отношение к В.Г. Кузнецовой радикально изменилось после того, как нормальный срок гостевания (а это, судя по дальнейшим событиям, описанным в дневнике, никак не более месяца) подошел к концу. Внятной чукчам социальной позиции, которой могла бы стать работа в Красной яранге, у В.Г. Кузнецовой не было. С точки зрения чукчей, единственным оправданием ее длительного пребывания в стойбище могло бы быть исполнение роли работницы в яранге. Правда, в семье Тымнэнэнтына уже была работница — падчерица Тымнэнэнтына Омрувакотгаут. Новая жена Тымнэнэнтына Эттыкутгэут была очень ей недовольна, частенько ее била за лень и нерасторопность. И вторая работница в большом хозяйстве не была бы лишней.

27 ноября 1950 г. <...> Вскоре показались гэкэнылым¹, поставили кипятить чай. В 11-м часу утра приехали Тымн[энэнты]н и Эттыкутгэвыт. Вдвоем в чоттагене покушали морож[еного] мяса, пили чай, также и я. <...> Оба были страшно недовольны беспорядком в доме и ругались — грязно в чоттагене, с рэтэма течет. — Как будем кочевать

1 Гэкэн'ылын (мн. Гэкэн'ылыт) — едущие на оленях.

зимой в мороз с таким рэтэмом, Он будет, как дерево, — сказал Тымн[энэнты]н. — Ты бы, Варвара, хотя следила за домом в наше отсутствие. Если этого не будешь делать, зачем же ты здесь нужна, — ворчливо сказал Тымн[энэнты]н. [Кузнецова 1948–1951: 365].

Но В.Г. Кузнецова не могла вести образ жизни чукотской женщины-работницы, у нее не хватало ни физических сил, ни опыта, ни специфических навыков.

25 октября 1950 г. <...> К[ило]м[етра] через полтора после начала кочевки проезжали через замерзшее озеро. Я решила сесть на нарту. Проехав метра три, олень остановился. Пройдя несколько шагов, я опять решила сесть, ударив оленя длинным поводом корэлгыном (коолгын). Олень рванулся в сторону, влево, в гуцу подошедшего стада, вырвав из моих рук корэлгын. Почувствовав свободу (корэлгын я уже больше не держала в руках), рывзэны помчался в этом направлении. Весь мой караван с тяжелыми груженными нартами мчался по кочкам. Я бросилась вперед, обхватила руками первую нарту (на ней был привязан чемодан и наволочка с книгами Айнэвтэгына), растянулась на земле рядом с нартами, держась руками за копылья. Так и тащилась за нартой, подпрыгивая волочащимся телом по кочкам [Кузнецова 1948–1951: 364].

4 февраля 1951 г. <...> Глубоко промерзший лед озера не поддавался ударам маленького топора, да и велики ли теперь мои силы у истощенного, всегда полуголодного, замученного человечка» [Кузнецова 1948–1951: 367].

В.Г. Кузнецова и не считала нужным принимать на себя роль работницы в семье Тымнэнэнтына, она видела себя в роли исследователя, практикующего включенное наблюдение. Проблема была в том, что «в деле включенного наблюдения достаточно сложно соблюсти хрупкий баланс между участием и наблюдением» [Кормина 2006: 88]. В.Г. Кузнецова пыталась решить эту проблему, определив для себя круг обязанностей, которые она выполняла более или менее регулярно и главным образом, что важно, по собственной инициативе.

Во время кочевий она, как правило, не принимала участие в разборе яранги, а соскребала осевший на жердях яранги плотный слой инея, образовывавшийся от тепла очага; не принимала участие в установке яранги, но разгребала снег на месте ее установки.

25 октября 1950 г. <...> Мое участие в установке яранги, как и в прошлую кочевку, состояло в разгребании снега из чоттагын [Кузнецова 1948–1951: 364].

19 марта 1951 г. <...> После остановки на новом месте Тынены пришла к нам помогать ставить ярангу. Втроем — Эттыкутгевыт, Ятгыргын и Тынены (вторая жена Тымнелкота) — поставили ярангу. Я, как и всегда в кочевки, разгребала снег на месте “строящейся” яранги. [Кузнецова 1948–1951: 381].

7 марта 1951 г. <...> Я проделала свою работу, исполняемую мною в каждую кочевку — сняла остов яранги, с утем¹ соскребла кымьян тивийгыном², затем по совету Тымн[энэнты]на соскребала ножом, тупой стороной [Кузнецова 1948–1951: 378].

Членов семьи Тымнэнэнтына совершенно не устраивало такое положение дел, основное занятие В.Г. Кузнецовой (ведение дневниковых записей) их раздражало, и ее упорно заставляли оставить «писанину» и выполнять хотя бы часть многочисленных домашних работ.

2 декабря 1950 г. <...> Для меня это был тяжелый, гнетущий день. Вчерашнее, вечером высказанное недовольство Тымн[энэнты]на, хозяйка возвела в квадрат и сегодня в его отсутствие кричала на меня, как на рабыню или еще хуже, как на скотину. — Иди за хворостом, работай, только кушаешь. Я стала выбивать айкол³. Этих айкол много, после 4-х или 5 выбитых шкур я остановилась отдохнуть. — Если ленишься выбивать айкол, иди за хворостом, — опять завопила она [Кузнецова 1948–1951: 366].

- 1 Утым (мн. утымыт) — одна из верхних жердей в конструкции яранги.
- 2 Тивычгын, тивийгын — снеговывивалка.
- 3 Айкол — подстилка из оленьей шкуры, постель.

3 февраля 1951 г. <...> Я в это время на улице у яранги, облокотясь на чемодан, еще не снятый с нарт, писала. Войдя в полог, увидела лежащего под шкурами старика, головой в кинмек¹. Старик дремал, поэтому я не поздоровалась с ним. Села в «свой» угол у жирника в кинмек на противоположной от старика стороне. До чаепития длилось молчание. Я писала. Затем старик мне грубо сказал — Только пишешь, почему не достаешь посуду, б[ыть] м[ожет], не хочешь пить чай [Кузнецова 1948–1951: 367].

4 февраля 1951 г. «Первый утренний чай варила Омр[увакат]гав[ыт], после чаепития начали шить эучан ирынь² Ятг[ыргы]ну, и Тымн[энэнты]н опять грубо сказал: Она шьет, ты вскипяти чай. Я стала обуваться. Грубость свою он продолжил — эту вещь могла бы шить и таннинавычгын, а ты сшила бы один лишь низ спины» [Кузнецова 1948–1951: 367].

20 марта 1951 г. <...> Зайдя закурить в чоттагын и увидав, что я пишу, Тымн[энэнты]н сердито сказал: Таннинавычгын, хотя бы варила ужин, как будто, ты не будешь кушать мяса, только пишет. Помолчав, я обратилась к хозяйке: Действительно, давайте варить ужин [Кузнецова 1948–1951: 382].

10 ноября 1950 г. <...> Пришла хозяйка и сказала, что у Чейвуны идут по воду. Омр[увакат]гавыт пригласила идти с ней, сказав: Не я пью чай, а именно ты, надо идти по воду [Кузнецова 1948–1951: 364].

25 января 1951. <...> Домработница я у Тымненентына, водонос и водовоз [Кузнецова 1948–1951: 367].

4 февраля 1951 г. <...> Женщины болтали. Решили пить чай. Конечно, на мою долю выпало кипячение чая. Домработник я у Тымненентына. <...> Хозяйка вспомнила, что вышел лед. — Иди за льдом, — сказала она мне. Гостья добавила: После крепкого чая ты бегом побежишь [Кузнецова 1948–1951: 367].

1 Кымэн — задняя стенка полога.

2 Эвычан ирынь — нижняя кухлянка (одежда).

Рис. 97. Девочка Тымнэни идет за водой на реку. Осень 1950 г.
МАЭ РАН. И 1454-257

Круг обязанностей В.Г. Кузнецовой определялся вовсе не ее статусом исследователя-наблюдателя, а тем положением в семье Тымнэнэнтына, которое определили ей чукчи. Ее основная обязанность — снабжение хозяйства водой (снегом, льдом) — это обычно обязанности младших и слабосильных членов семьи, а также самых бесправных сирот-работниц (рис. 97).

18 октября 1950 г. <...> От Номг[ыргы]на по воду ходят только девочки (Кыяй, Етгэвыт, Кымын'э), не видала ни одну взрослую женщину, которая ходила бы по воду. Наша хозяйка тоже ни разу не ходила по воду. Или я, или мальчик, или Омр[увакат]гавыт [Кузнецова 1948–1951: 363].

В семейной иерархии В.Г. Кузнецова занимала самую низкую позицию, более низкую, чем у падчерицы-работницы

Омрувакатгавыт. Самым очевидным свидетельством ее низкого статуса было минимальное количество еды, ее качество, а также то, что свой кусок В.Г. Кузнецова получала самой последней в семье.

1 декабря 1949 г. Вначале пили чай, молниеносно распили большой чайник, затем подали мясо. Как обычно, я была забыта, мне мясо не подали, и сострадательная Эттыт-валь сказала: «Вместе будем кушать ее долю». Лишь потом Омры[увакотгау]т положила передо мной небольшой кусочек мяса. Сами хозяева и гостя ели лучшие жирные куски. Мне хозяйка подала обезжиренное мясо без костей, совершенно холодное. «По губам прошло, а в рот не попало» — очень маленькая доза [Кузнецова 1948–1951: 341].

2 декабря 1950 г. <...> Мне дали немного, и хозяйка сказала — довольно, продолжая с Омр[увакат]гав[ыт] кушать [Кузнецова 1948–1951: 366].

3 февраля 1951 г. <...> После чая старики легли спать, покушав очень немного вареного мяса. Мы — Омр[увакат]гав[ыт], Омрыят[гыргын] и я, ели в ужин: 1) ямгар[ылко]рил. 2) я кусочек вареного мяса, брат с сестрой, как и обычно, значительно больше моего [Кузнецова 1948–1951: 367].

2 февраля 1951 г. <...> На кэмены еще было порезанное мясо, Чейвуна отстранилась, перестала кушать. — Прекрати еду, — оборвала меня Омр[увакат]гав[ыт], — алва клегин — отстранись. Почти ежедневная грубость на протяжении длительного времени уже перестала остро задевать меня. Лишь перед посторонними бывает неудобно [Кузнецова 1948–1951: 367].

10 февраля 1951 г. <...> К вечернему чаю до ужина — морож[еный] паакат в пологе, срезаемый хозяйкой. На ужин наварили много мяса — больш[ой] эмал[ированный] таз. У Чейвуны ужин сварили раньше и часть мяса принесли Тымн[энэнты]ну. Покушали хозяева очень мало, легли спать. Мы вчетвером имели почти все мясо, трое моих товарищей по трапезе очень помногу, я меньше из-за невиданной скупости, скаредности Омрувакотгавыт. Ятг[ыргы]н отрезал мне от своей порции кусок мяса и положил передо мной на кэмены, Омр[увакат]гав[ыт] взяла и положила

в миску, а вскоре съела. Вторично Ятг[ыргы]н отрезал мне кусочек мяса от своего, громко сказав: «Тебе», а затем также добавил, — почему не добавишь мяса Варваре (иям айлыныркэ) [Кузнецова 1948–1951: 368].

5 марта 1951 г. <...> Хозяева, как и всегда, кушали хорошие жирные куски, мне — полусырую пленку мяса. Всегда полуголодная, истощенная, исхудавшая, наяву вижу кастрюлю с горячей кашей. Хлеб, картошка, каша, все равно что, лишь бы досыта поесть, не ощущать бы ежедневно полуголода. Моя жизнь у Тымн[энэнты]на хуже блокадного периода в Ленинграде, лишь бомбежек да обстрелов нет, а голод мой мучительнее блокадного [Кузнецова 1948–1951: 375].

С точки зрения чукчей, количество и качество еды, которое получала Кузнецова, вполне соответствовали ее вкладу в жизнедеятельность семьи. И количество пищи, на которое она могла рассчитывать, жестко увязывалось с домашними работами, которые она выполняла.

26 октября 1950 г. <...> Из полога хозяйка подала мне кусочек рората и кусок летнего мяса, сказав: Правда, скушав это, ты наберешься силы ломать хворост для костра. Что ж сделаешь. Много оплеух и плевков я проглатываю и отупела, стерпелась, смирилась. Ни раздражения, ни обиды. Равнодушие [Кузнецова 1948–1951: 364].

24 июня 1950 г. <...> Омр[ывакатгау]т уже возилась на улице у мяса. Попросила» меня помочь (грубо заявила — правда, будешь кушать, так помогай работать). Помощь моя была невелика [Кузнецова 1948–1951: 345].

28 сентября 1950 г. <...> Днем мы — Ятгыргын, Омр[увакат]гавыт, Омр[ыят]гыргын и я кушали ёмралгын (кора корней) с вонючей печенкой и медвежьим салом, также «губу» от начъёт¹ и подогретую вчерашнюю ямга р[илке] рил. Кусок полусухого мяса, гр[амм] в 200, Ятг[ыргын] немного поел и отдал мне. Зная, что я ему шью камлейку,

1 Начётъ (натъёт, натёт) — опаленные олени губы, копыта, пленки рогов, хранящиеся в протухшей оленьей крови.

он ко мне стал очень внимательный — в пище. За ужином вчера также поделился со мной мясом и сказал Омр[увакат] гавыт, чтоб она дала мне мякоти [Кузнецова 1948–1951: 359].

17 января 1951 г. <...> Подведя свой обоз на груз[овой] нарте у яранги, я увидела сидящего молодого чукчу, мне незнакомого. <...> Гость поздоровался со мной. <...> Ко мне был очень внимателен. Когда подавались кемены с пищей, обращаясь ко мне, говорил: «Кушай же ты». В этот вечер все же я была один раз поставлена в низший ранг. Хозяйка достала холодное жирное мясо, порезав маленькими тонкими ломтиками. В пологе уже были возвратившиеся с хвостом Ятг[ыргы]н и Кергуги, и подано было кемены с кэмерын и мясом — мороженым и порубленным, перемешанным с морож[еной] летней кровью, также мыткамыт. И ты кушай с нами, — сказал мне старик-гость. Я в это время закуривала. Пусть кушает с ними, — сказал Тымн[энэнты]н [Кузнецова 1948–1951: 367].

Еще одно любопытное свидетельство обретенного статуса «не гости» — место в пологе, которое она занимала. Как гостье ей в самом начале пребывания у чукчей предложили занять место в кынмэн — у задней стенки полога, место считавшееся почетным. Она и продолжала считать его своим, тем более что там, рядом с жырником, было светлее — удобнее писать.

7 февраля 1951 г. <...> Хозяйка мне сказала: Сидишь в кинмен, села бы к чоургыну, а гости на твое место. Гости возразили (Омлеут): Пусть сидит на прежнем месте, а Кайгырголь, поддержав его, произнес одну из трех сказанных им по моему поводу издевок: Минкемил акарээ, аалёлка нъёлги (до какой степени поглупела, непонимающей стала) [Кузнецова 1948–1951: 367].

Таким образом, В.Г. Кузнецова с конца сентября 1948 г. перестала быть гостьей в семье Тымнэнэнтына и, как оценивала ситуацию она сама, превратилась в «домработницу». Но, судя по всему, чукчи так не считали, на женщину-работницу она явно не тянула в силу объективных и субъективных причин

(не могла и не хотела). Более всего, с точки зрения чукчей, она соответствовала статусу бездомного бродяги (лейвыльын, тымнэлейвыльын), хорошо описанному еще В.Г. Богоразом в разделе «Праздные скитальцы». Характеризуя эту категорию людей, живших вне стойбищ и семейных связей, В.Г. Богораз отмечает те же характерные признаки, что явственно проступают в дневниковых записях В.Г. Кузнецовой. Это голод — постоянный спутник их существования, поскольку праздничный скиталец может рассчитывать лишь на «несколько кусочков мяса, которые ему сообразовит сунуть хозяйка шатра, и уже не смеет просить большего». Так же, как в случае с В.Г. Кузнецовой, количество пищи, которое получал бродяга, было пропорционально его трудовому вкладу в жизнедеятельность семьи: «Конечно, если он примет участие в дневных работах — рубке дров, носке воды, ловле оленей, его положение несколько изменяется, но все же хозяева помнят, что он — “зря ходящий”». Это отсутствие порядочной зимней одежды. И, разумеется, незавидное положение скитальцев, бесцеремонное обращение с ними [Богораз 1934: 152–153].

20 марта 1951 г. <...> За чаем Тымн[энэнты]н сказал: Хотя бы Варвара помогла выбить полог. (Полог был еще на улице). Или уж давай вместе с тобой станем бродячими, будем ходить по стойбищам [Кузнецова 1948–1951: 382].

29 апреля 1951 г. <...> О себе Рагтынаут рассказала: до замужества она жила у Таёгыргына, и ей тоже приходилось голодать, поэтому она сочувственно относится к бездомным, в частности ко мне. «Когда приходит к нам Варвара, я думаю, голодная она, и жалею ее и стараюсь получше накормить» [Кузнецова 1948–1951: 403].

Интересно, что писатель Юрий Рытхэу, был, очевидно, знаком с историей экспедиции В.Г. Кузнецовой. Впрочем сюжет его романа, навеянный этой историей, имеет мало общего с реальными обстоятельствами ее жизни на Чукотке. Героиня романа Анна Одинцова, приехавшая на Чукотку в научную экспедицию от Института этнографии Академии наук, в отличие от Варвары Кузнецовой, по воле Ю. Рытхэу начала свою полевую работу именно с того, что включилась в семейные связи, выйдя замуж

за молодого чукотского парня, и закончила свою чукотскую эпопею в роли признанного лидера борьбы чукчей за традиционный образ жизни и против насильственной советизации. Тем не менее Ю. Рытхэу дал своему роману странное в виду сюжета, но совершенно понятное при знакомстве с обстоятельствами экспедиции В.Г. Кузнецовой название — «Скитания Анны Одинцовой».

ГОСТЕВАНИЕ

Соответствовало статусу бездомного бродяги и предлагаемое В.Г. Кузнецовой поведение — гостевание по стойбищам и ярангам, в ходе которого она на короткий срок возвращала себе наиболее благоприятную позицию гостыи. Чукчи настоятельно подталкивали ее именно к такому образу жизни. Принимали В.Г. Кузнецову в основном в стойбищах, связанных с Тымнэнэтыным достаточно близкими родственными отношениями. Вероятно, тем самым родственные семьи делили с Тымнэнэтыным навязанное ему бремя. Такой выход из создавшегося положения в определенной степени устраивал и Варвару Григорьевну. Посещение других стойбищ существенно расширяло возможности для сбора этнографических материалов, что было важно для научной работы. Не менее важным было и то, что она могла таким образом подкормиться, на время скрасить свое существование гостеприимством и приветливостью.

В мае 1950 г. Кузнецова находилась в стойбище Кэргуги. В нескольких километрах от Кэргугэ, здесь же, вблизи гор Иргун'эй, находилось стойбище Тымнэнкау, в которое она перебралась в июне 1950 г. В феврале 1951 г. она решила отправиться в гости к Гемын. 15–17 километров до стойбища пришлось преодолевать пешком в сильный мороз. Шла В.Г. Кузнецова пять часов, несла на себе наплечный мешок, в который были сложены портфель с фотоаппаратом, папка с тетрадями и картами, полевая сумка, мешочек с махоркой, спичками и бусами для подарков.

19 февраля 1951 г. <...> Из яранги вышли женщины, радостно со мной поздоровались. Сбили иней с одежды. Уже

был согрет крепкий чай в малюсенькой мисочке. К чаю хозяйка, жена Гемын, Неутына, подала кусочек подогретого у очага вилтекичгын¹, сказав: «Закуси, выпей чаю, согрейся, а в пологе по-настоящему будешь кушать». К чаю дали кусок сахару. С груз[овых] нарт она достала сливочное масло и сахар, кусок сахару и кусочек масла гр[амм] 50 дала мне, сказав: Скушаешь в след[ующий] раз после твоего пешего пути. <...> Войдя в полог к чаю нарезали мелкими ломтиками жирный копалгын², на кемены лежало мелко изрубленное почти в порошок морож[енное] мясо. Черная ложками мясное крошево, брали ломтики жирного копалгына, причем подана еда была не в мизерной, а в обильной дозе. Чай крепкий заварили с сахаром, галетами и сливочным маслом. Как у себя дома кушаешь сегодня ты у нас, — улыбаясь, сказала хозяйка. <...> На ужин, после чая варили мясо, жирные большие куски мяса подала мне хозяйка. После голодной жизни у Тымн[энэнты]на я попала как бы в рай. <...> В полог занесли уккам³ с вареными утробными телятами. У Тымн[энэнты]на я лишь смотрела, как старик с женой кушали этот вид мясной пищи, здесь же, вместе с хозяевами, я разделяла трапезу [Кузнецова 1948–1951: 371].

Принимали Кузнецову очень гостеприимно, но на шестой день гостевания Неутына сказала: «Ты Варваракай иди на свое прежнее место к Тымн[энэнты]ну <...>. Хотя и очень хорошо приняли меня у Гемы[на], но лишний рот и для них не радость. Угощение сахаром, крепкий чай, варка жирного мяса — все это лишний расход. Да к тому же, кто из кочевников не расчетлив и не экономен» [Кузнецова 1948–1951: 372].

В.Г. Кузнецова отдавала себе отчет в том, что в семье Тымнэнэнтына ее статус крайне низок. Она отчетливо видела, что отношение к ней как к гостье разительно отличается от обыденного в семье Тымнэнэнтына. Ясно было и то, что гостеванием нельзя злоупотреблять. Возвратившись в стойбище Тымнэнэнтына от Гемын, она тут же отмечает:

- 1 Вилтэкичгын — старое (летнее) оленьё мясо с душиком.
- 2 К'опалгын — свежее моржовое мясо с кожей и жиром.
- 3 Ук'к'эм — миска (в том числе маленькие жертвенные «мисочки» из кожи).

27 февраля 1951 г. <...> Хозяева кушали легкое¹, для меня по распоряжению хозяйки подали свежее морож[еное] мясо (жалуют, скупятся дать мне лучшую пищу). Опять по отношению ко мне у Тымн[энэнты]на неравенство. Лишь у Гемын не снижали моего ранга [Кузнецова 1948–1951: 373].

Спустя примерно месяц, 9 марта 1951 г. В.Г.Кузнецова вновь отправилась гостить к Гемын, а 31 марта она уже замечает: «Завтра или послезавтра мне надо выбираться отсюда. Чувствую, что я здесь стала лишней, помехой» [Кузнецова 1948–1951: 387].

26 июня 1951 г. <...> Вместе с Тынагыргыном вышла из яранги. <...> По дороге он сказал мне: Ты ходи и в другие наши (Номгыргына и Тымнэлкота) стойбища. Скоро ведь уедешь домой, и в последнее остающееся у тебя время до отъезда ходи во все стойбища. Было ясно, что он продолжил полунамеком высказанное Ринтыной недовольство. Они устали от ежедневного моего присутствия [Кузнецова 1948–1951: 394].

«Помехи» В.Г. Кузнецова создавала не только очевидными проблемами материального плана: ее требовалось кормить, снабжать шкурами, необходимыми для пошива одежды, помогать шить эту одежду, перевозить ее громоздкий багаж во время кочевий и т.д. Чукчи просто уставали от постоянного присутствия чужого человека, им было неприятно быть постоянным объектом наблюдения. Главным же «возмущающим фактором» включенного наблюдения была активная гражданская позиция исследователя.

1 Летнее подгнившее легкое, подогретое у очага и в пологе порезанное ломтиками – лакомство, любимая пища стариков, подают также гостям.